

ИНТЕРВЬЮ С ЛОТАРОМ ПАНКОСКОМ (LOTHAR PANKOSK, 1922 -1988) – УЧАСТНИКОМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЮГОСЛАВИИ, ВОЕВАВШИМ В ОТРЯДАХ ЧЕТНИКОВ

Где и когда вы родились?

Я родился в октябре 1922 г. в маленькой деревне неподалеку от Загреба. Мои родители были католиками из Сараево. Они уехали оттуда из-за проблем, вызванных деятельностью коммунистов, и трудностями в поисках работы. Мой отец был квалифицированным плотником, моя мать была учителем музыки. У меня была сестра, братьев не было, я был старшим.

Была ли у вас военная подготовка?

Я служил в Югославской армии, которая в то время состояла из смеси людей различных национальностей со всей страны. Мы не были единой страной вплоть до окончания ПМВ, после которой всех свалили в одну кучу. В военном сословии и особенно в офицерском корпусе доминировали сербы, так было всегда и в прошлом... В армии я был обучен артиллерийскому делу.

Участвовали ли вы в боях во время германского вторжения?

Я только-только закончил прохождение подготовки, мне было 18, и нас бросили на поддержку войск, оборонявших Белград. Немецкие войска оккупировали столицу до того, как мы прибыли на место боев в апреле 1941 г. Армия капитулировала [17 апреля 1941 г.], и правительство Тито ушло в горы, тогда как армия отправилась в лагеря для военнопленных.

Как вы вступили в бой против немцев?

Я был в концлагере, расположенном в Австрии, когда к нам пришел немецкий офицер и спросил, нет ли среди нас добровольцев. Имени его я не помню. Нас в лагере было, вероятно, около 400 человек, в основном, хорватов, поскольку военнопленных разделили по этнической принадлежности. Думаю, почти все, кроме пары десятков человек, откликнулись на призыв, и нас освободили и отправили в тренировочный лагерь в Dberitz (*Dobrice ? – ВК*) на шесть недель, а потом перебросили в Хорватию. Мы начали службу в вспомогательных антипартизанских частях, и те, кто получил назначение непосредственно в немецкие подразделения, стал носить немецкую униформу. В прочих случаях мы оставались в гражданском. Нас отдали под команду немецкого старшего офицера, после чего многие дезертировали и влились в части полковника [позднее генерала] Дражи [Драголюбца] Михайловича – отряды четников, которые сражались против Тито и против немцев.

Что вы чувствовали, вступая в бой против своих соотечественников-югославы?

У меня лично с этим проблем не было, поскольку я был свидетелем того, что коммунисты Тито делали с церквями и гражданским населением в некоторых районах страны. Сам я полагал, что немцы представляли из себя гораздо меньшее зло, чем Тито. Хотя мы сражались против Тито в качестве профашистских партизан, позднее мы стали чувствовать к нему уважение за то, что он

сумел сохранить независимость Югославии от Советов. Это показало стране, что он больше заботится о Югославии, чем о Коммунистической партии.

Боялись ли хорваты немецкого вторжения?

Нет, вовсе нет. Президент Павелич нашел взаимопонимание с Гитлером, а Гитлер ясно дал понять, что он не заинтересован в оккупации Хорватии, которую рассматривал как качество союзника. Тем не менее мы, этнические сербы и хорваты, поначалу отрицательно восприняли немецкое вторжение.

Мы, четники, будучи националистами, хотели, чтобы у нас была своя Югославия. Немецкое вторжение усилило деление на национальные группы. Вскоре мы узнали о том, что Тито обратился за помощью к коммунистам из России. Мы этого не хотели, поскольку знали, что любая советская помощь повлечет за собой установление правительства советского типа или режима, подконтрольного Советам, что было для нас неприемлемо. Наше решение присоединиться к немцам в их [антикоммунистической] борьбе произошло из того, что мы боялись исчезнуть как националистическая группа в случае победы коммунистов. Я нисколько не сожалею о своем решении вступить в борьбу против титоистов. Я сражался против них и после войны, когда ушел в Грецию, чтобы воевать против коммунистов в их гражданской войне, и я был не один такой. Как ирония звучит то, что историки обсуждают геноцид евреев и сербов под немецкой пятой, и как-то спокойно забывают об убитых коммунистами. Людей убивали просто за то, что они хотели оставаться свободными и сами определять свою судьбу. Мы сражались за свое существование, свою землю, за свой народ. К этому нечего добавить.

Что было главным побудительным мотивом в вашей борьбе и против немцев, и против Тито в разные периоды времени?

Стремление выжить, стремление иметь свою страну. Парни Тито просто перебили бы нас, тогда как немцы временами были заинтересованы в нас. Обычно мы могли рассчитывать на хорошее отношение с их стороны.

Сколько времени вы сражались в рядах четников?

Всю войну, с сентября 1941 г. по май 1945 г.

Принимали ли вы участие в крупных операциях?

Да, в операции *Weiss* в январе 1943 г. и операции *Schwarz* в мае 1943 г., кроме того, в операции *Rösselsprung* – последней серьезной попытке захватить Тито и его штаб в январе 1944 г.

Что из себя представляла операция Weiss?

Это была серия тяжелых боев. Во время этой операции я получил назначение в подразделение, оказывавшее поддержку дивизии *SS Prinz Eugen*. Обе стороны понесли тяжелые потери в сражении на реке Неретва. Части *SS* были вынуждены отказаться от использования бронетехники, и это была война, которой партизаны отдавали предпочтение. Они знали местность лучше, чем немцы, и по этой причине последние нуждались в нашей помощи. Мы были лучше вооружены и лучше снабжались, но партизаны были более мобильны и были неуловимы. *Люфтваффе* бомбило их, блокировало им отходные пути, в то время как мы окружали их с флангов. Мы взяли в кольцо несколько сотен партизан, за этим последовал ночной бой – невообразимая мешанина. Многие солдаты стали жертвами огня своих же, и некоторые четники решили, что будет лучше

действовать в одиночку или небольшими группами. Это привело в ярость немецкого командующего – генерала Артура Флепса (Artur Phleps), который отдал приказ вспомогательным частям вернуться на исходные рубежи. Я и сам не знаю, что из этого вышло ...

Полагаю, операция Schwarz была довольно похожей?

Операция Schwarz сложилась по-другому. Это была миссия, нацеленная исключительно на захват Тито, что нам почти удалось в бою у Коласина (Kolasin). В наступлении участвовало более 100 000 немцев, итальянцев, четников и прочих добровольцев, и мы, по всей видимости, загнали в ловушку 25 000 партизан. Это вылилось в крупнейшее сражение всей войны в Югославии. Тито сумел ускользнуть, но оставил за собой тысячи убитых и раненых. В этом сражении я был ранен единственный раз за всю войну.

Как вас ранило?

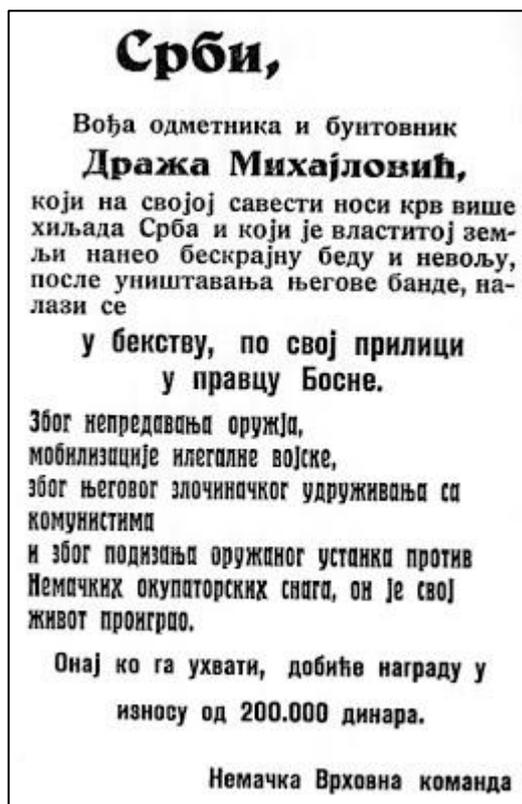
Немцы на нашем левом фланге продвигались вперед под прикрытием артиллерии, мы наступали справа – пытались взять противника в клещи. Нам удалось загнать противника в крупную низину, после чего мы обрушили на него огонь из минометов, пулеметов и винтовок – из всего, что стреляло. Через четыре часа мы спустились в эту долину, чтобы прикончить всех, кому удалось выжить – это не соответствовало приказу оставаться на месте. Мы не собирались брать пленных, за исключением Тито. Хотя у нас с собой были фотографии Тито, было нереалистичным ожидать, что солдаты будут заглядывать в лицо каждому, чтобы опознать нужного человека. Это было сумасшествием, и мы решили, что, захватив пленных, мы увеличим [с их помощью] свои шансы на успех в поиске Тито. Дело предстояло трудное, потому что, будучи первоклассным партизанским командиром, Тито постоянно менял расположение своего штаба. В тот день мы убили тысячи его последователей... Я переворачивал тела убитых и заглядывал в их лица – мне не нужна была фотография. Один из «убитых», которого я перевернул, выстрелил из пистолета и попал мне в плечо. Что ж, я пристрелил его. К сожалению в конце операции, в марте, немецкий командующий – генерал Leuthers (правильно – *Rudolf Lütters*), отдал приказ разоружить отряды четников. Немцы собирались отобрать у нас оружие, поскольку не доверяли нам. Многие четники после этого дезертировали, и именно тогда многие из нас, включая меня самого, начали войну против немцев. Позднее нам удалось, в какой-то степени, договориться с ними, но ни одна из сторон уже не слишком доверяла другой.

Когда вы вернулись в строй?

Где-то через три месяца, когда поправился.

Вы можете рассказать об операции Rösselsprung?

Это было в январе 1944 г. Немцы организовали миссию под командованием Отто Скорцени по захвату Тито. Эсэсовцы и парашютисты приземлились на планерах и парашютах близ пещеры, в которой находился штаб Тито, и в завязавшемся бою обе стороны понесли тяжелые потери, Тито был ранен. Мы, четники, тоже принимали участие в операции и старались достичь той же цели, хотя и независимо от немцев. Немцы временами постреливали в нашу сторону, когда им удавалось идентифицировать нас как четников. Это настолько разгневало генерала Михайловича, что он пару раз [вступал с немцами в переговоры] и добивался их согласия на прекращение огня.

Немецкий плакат, обещающий награду в 200 000 рейхсмарок за помощь в поимке Михайловича.
Ориентировочно - начало 1942 г. (<http://chetniktruth.blogspot.com/>)

Вот за эти дела он и был объявлен предателем и позднее, после войны, казнен Тито [17 июля 1946 г.]. Много храбрых немцев погибло близ той пещеры в бою, который длился пару дней. Я снова оказался в вместе с немцами после перемирия между Михайловичем и немецким командованием и получил назначение в дивизию *Prinz Eugen*. Мы получили приказ пробить кольцо окружения, в котором оказались немецкие командос на вершине горы, но у нас возникли проблемы, мы ввязались в зятяжной бой и не сумели пробиться к ним вовремя...

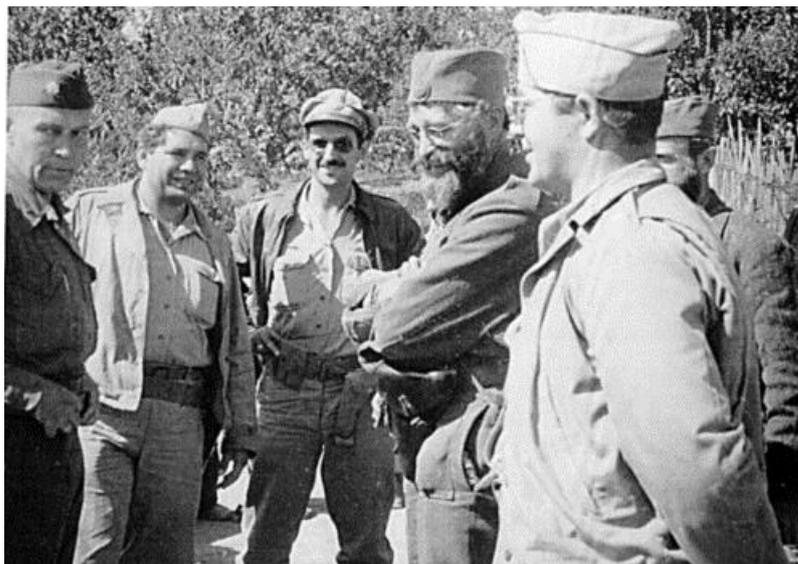
Как война закончилась для вас?

Я попал в плен к британцам неподалеку от побережья Адриатики, когда пытался оторваться от преследовавшей нас группы людей Тито. У нас кончились боеприпасы, и мы решили испытать судьбу, сдавшись британцам. Офицер, с которым мы вступили в контакт, хорошо понимал, почему мы не хотим оказаться в руках коммунистов, и дал нам возможность разжиться немецкой эсэсовской военной формой, что, впрочем, не было шагом в верном направлении. Всех пленных немцев отправляли в Чехословакию, Австрию или в Грецию. Я оказался в Австрии. Там я сумел избавиться от эсэсовских знаков различия и, в конце концов, раздобыл обычную военную форму. Я достаточно хорошо говорил по-немецки и сумел убедить тех, кто меня допрашивал, в том, что я наполовину немец, призванный в армию. Через шесть месяцев я был выпущен из лагеря и отправлен в Германию. В Югославию я вернулся только после смерти Тито в 1981 г., но у меня до сих пор есть дом в Германии.

Вы когда-либо встречались с Михайловичем?

Да, несколько раз, и мне он понравился, как профессиональный военный. Однако я думаю, что он не был силен как политик и дипломат, что требовалось от него во время войны. Меня также

настораживала его способность время от времени отказываться от лояльности по отношению к немцам, но уважал его за стойкую позицию по отношению к Тито.

Дража Михайлович (в центре) с офицерами связи западных союзников. 1944 г.

Четники обсуждают план совместных действий с немцами. 1944 г.

А что вы скажет о Павеличе?

Я никогда не встречался с Павеличем, но для нас он был героем, который сумел отстоять от коммунистов Хорватию. Его всегда будут помнить как человека, который делал все необходимое для исполнения своего долга.

Павелич поддержал убийство сотен тысяч сербов, включая женщин и детей, он отдавал соответствующие приказы. Даже немецкие документы подтверждают это. Как вы относились к этой стороне его деятельности?

Тито по отношению к нам делал то же самое, то же по отношению к боснийцам. Он уничтожил большую часть католического и православного духовенства, вот почему Павелич отвечал тем же.

Во время войны происходят ужасные вещи, случаются трагедии. Тем не менее, мы не следовали немцам во всем и не были активны в уничтожении евреев и других народов, поэтому я не думаю, что нас нужно ставить в один ряд с ними.

Что вы делали после своего освобождения?

Я знал, в достаточной степени, плотницкое дело, научившись ему у своего отца, а в Германии после войны было много работы по восстановлению разрушенного. Если ты знал свое дело и вовремя приходил на работу, человеку, говорившему с акцентом, не задавали много вопросов.

Как вы думаете, что произойдет с Югославией?

Я думаю, она разорвет себя на части, поскольку у нее нет объединяющего фактора. Тито, может, и был тираном, но он удерживал нацию единой и свободной от московского влияния, даже критиковал их в 1956 г. за Венгрию, в 1968 г. – за Чехословакию, потом за вторжение в Афганистан. Он открыто критиковал их, и его нужно помнить, в том числе, и за это, а не только за его дьявольские деяния, совершенные в прошлом.

Есть ли у вас сожаления о том, что произошло, о том, что вы делали на войне?

Я сожалею о том, что мы не стали независимой страной, что случилось бы в случае победы немцев. Союзники, по меньшей мере, могли бы проявить большее понимание устремлений отдельных народов, но политика не всегда работает на пользу каждому. Когда Тито стал склоняться в сторону Запада, его нейтралитет обеспечивал поддержку со стороны НАТО и Объединенных Наций. Теперь посмотрим, останется ли все это в силе, хотя я так не считаю.

ИНТЕРВЬЮ С МИЛО СТАВИЧЕМ (MILO STAVIC) – ПАРТИЗАНОМ, ВОЕВАВШИМ НА СТОРОНЕ ТИТО

Где и когда вы родились?

Я родился в Белграде 3 ноября 1920 г.

Какой была ваша семья?

Мой отец был школьным учителем, он преподавал английский. Моя мать была учительницей музыки. Она была классической пианисткой, очень неплохой. У меня была сестра, которая погибла в 1941 г., когда немцы разбомбили Белград.

Каковы были ваши политические взгляды до и во время войны?

Я был, скорее, аполитичным человеком – я не был в оппозиции к монархии и не поддерживал какую-либо политическую партию. Я был молод, учился в университете, в котором студенты активно занимались политикой, но я сфокусировался на учебе.

Какими были ваши амбиции?

Мой отец был преподавателем, у него я научился английскому языку. Он получил образование в Англии, куда эмигрировали его родители после начала ПМВ. Он вернулся, женился на своей

школьной возлюбленной – моей матери. Я хотел стать профессором языковедения, поскольку я также изучил немецкий и русский. После войны я завершил университетский курс и получил степень мастера, но доктором так и не стал. Семья и дети стали моим основным приоритетом. Я преподавал в школах.

Что заставило вас стать партизаном?

Большинство из нас, националистов, хотели видеть Югославию свободной от доминирования какой-либо из политических партий. Не все мы были коммунистами. Тем не менее, поскольку немцы вторглись в нашу страну и в апреле 1941 г. пал Белград, жизнь заставила нас вступить в бой: мы были сербами, и нас убивали хорваты. Эти события обусловили начало партизанской борьбы, и ничто другое.

Кем вы были в движении Тито?

Я занимался многим, преимущественно работал в разведке, что было обусловлено моим знанием иностранных языков. Я читал захваченные немецкие документы, допрашивал пленных и переводил релизы, выпускаемые союзниками для Тито и полевых командиров. Позднее, в 1944 г., я стал служить в личной охране Тито.

Тито, его кабинет министров и генеральный штаб. 14 мая 1944 г.

Почему Тито понадобилась личная охрана в 1944 г.?

У него всегда были телохранители, но в 1941 г. их было только двое. После 1943 г. Тито увеличил их численность. Всего их было 12, когда немцы назначили вознаграждение за поимку Тито, а в

1944 г. они начали забрасывать специальные элитные диверсионные группы для того, чтобы похитить или убить его. Таких миссий было четыре, и все они провалились. У немцев не было достаточно развитой разведочной сети в Югославии, которая была необходима для этого.

А почему выбрали Вас?

Я был выбран потому, что Тито был нужен переводчик, которому можно было доверять. К тому времени к нам начали прибывать сотрудники [спецслужб союзников] SOE [Special Operations Executive], OSS [Office of Strategic Service] и русские тоже. К сожалению, среди тех, кто позиционировал себя, как четники, было несколько немецких агентов, и их нужно было с предосторожностями отлавливать. Это было моей работой. Я встречался с этими людьми, беседовал с ними, обеспечивая безопасность Тито.

Какой была жизнь в горах, как вы сражались с врагами?

С какими именно? Среди наших врагов были монархически настроенные сербы, хорваты, четники под командой Михайловича, немцы – это был длинный список. Нас постоянно преследовал враг: было тяжело. Всегда не хватало еды, хотя сельские жители помогали нам большую часть времени. Если немцам становилось об этом известно, они убивали этих людей и жгли их деревни. Тактика немцев заключалась в блокировании помощи, которую нам оказывали. Эта тактика полностью провалилась. До того, как британцы и русские начали помогать нам, мы все время нуждались в теплой одежде и обуви. Наши подразделения включали целые семьи, даже дети перемещались с нами, чтобы не оказаться в руках врага. Вместе с нами сражались женщины, и без них мы не смогли бы добиваться успехов.

Жестокость проявляли не только ваши противники. Приказывал ли Тито убивать?

Да, это правда. Если заняться историей, надо всматриваться в деятельность обеих [воюющих] сторон, и Тито допускал ошибки. Когда он понял, что этим отталкивает от себя значительную часть населения, особенно католиков, он изменил тактику. Эти перемены в его позиции прослеживаются и в его послевоенной политике, когда он стал президентом. Я думаю, именно это сделало его великим лидером, а также тот факт, что он не кланялся Сталину и московским коммунистам.

Будучи офицером разведки, в каком звании вы были?

Мне присвоили звание капитана, потом повысили до майора.

Кроме того, что вы служили телохранителем Тито, вы также собирали разведывательные данные, не так ли?

Да, в особенности о командирах подразделений, которые нам противостояли. Некоторых мы хотели убить больше, чем других., особенно офицеров SS. Был немец, к которому мы почти испытывали уважение, - генерал Курт Цайтцлер (Kurt Zeitzler). Он пытался внести изменения в поведение немцев по отношению к гражданскому населению, и был человеком, с которым, как мы думали тогда, можно будет иметь дело позднее. Однако больше всего нам был нужен Михайлович, которого мы считали предателем. Он командовал националистическими антикоммунистическими отрядами, и британцы поддерживали его в ущерб нам, потому что он планировал восстановление в стране монархии после окончания войны. Тито не мог этого принять. Он не хотел какого-либо иностранного влияния, поскольку считал, что такое влияние в

прошлом было причиной проблем для всей Югославии. Нас также интересовали Максимилиан Фрайхерр фон Вейхс (Maximilian Freiherr von Weichs zur Glon) и Карл фон Кремплер (Karl von Kremppler). Вейхс командовал всеми германскими силами, а Кремплер был генералом (*точнее, штандартенфюрером – ВК*) SS, который командовал предателями из Боснии и некоторыми сербами. Эти немцы были в верхней части списка.

Планировали ли вы похищение или убийство этих людей?

Мы обсуждали эти вопросы и строили планы, но к этим людям было крайне трудно подобраться. Одной из наиболее заметных целей был Хельмут фон Панвитц (Helmuth von Pannwitz), командовавший антипартизанскими казачьими подразделениями в Югославии в 1944-45 гг. Он находился в верхней части списка, был схвачен и передан советской стороне. Подобраться к нему было невозможно, поскольку он всегда был окружен здоровенными телохранителями с саблями, которые не позволяли никому приблизиться к [своему командиру], даже немецким офицерам в высоких чинах. Ни один из наших планов реализован не был.

А немцы пытались захватить Тито?

Да, несколько раз. Наиболее известными нацеленными на это попытками немцев были операции *Weiss* и *Schwarz*, еще одна называлась *Rösselsprung*. Мы знали все о первых двух операциях от наших разведчиков, но *Rösselsprung* была для нас полной неожиданностью. Немцы успели многому научиться на своих ошибках: теперь они просто уничтожали всех, противодействующих им.

Нам и помогала, и досаждала постоянная война против четников, но немцы им тоже не доверяли, и иногда эти две стороны сражались друг против друга. Это было какое-то сумасшествие – иногда вы могли быть в бою против немцев, а в то же время четники могли атаковать и вас, и немцев. В другой раз мы могли вести бой против четников, а тут появляются преследовавшие их немцы, натываются на нас, ну и начинается куча-мала. Это надо было видеть ...

Что за человек был Тито?

Он не был загадкой, какой его выставляли западные союзники. Он был безжалостен, когда это было необходимо, но это присуще всем великим лидерам. Тито сделал многих своими врагами и всегда был в опасности, поэтому он верил в то, что наилучшим способом борьбы, первым делом, будет устранение врагов. Иногда он приказывал убивать, когда считал, что это необходимо. Я знаю, он допускал ошибки. Но он изменил свою тактику, когда увидел, что население становится благосклоннее к немцам и хорватам, которые восстанавливали церкви и разрешали открывать школы. Это были реальные события, которые он не мог игнорировать, вот он и стал делать то же самое. После войны, став президентом, он дал возможность этой части общества жить религиозной жизнью. Это спланивало страну – его власть и его гений. Он был женолюбом, это правда, но при этом любил свою семью. Он не был злодеем как Гитлер и Сталин. Он был человеком, обладавшим великим чувством сострадания, но, одновременно с этим, человеком с огромным самомнением. Но, опять же, кто из знаменитостей не отличается тем же?

Опишите самый жестокий бой, в котором вам довелось участвовать?

Лично для меня это были сражение при Неретве во время операции немцев, носившей название *Weiss*, позднее – бой во время операции *Rösselsprung*, когда немецкие планеры и парашютисты приземлились рядом с пещерой, в которой находился штаб Тито. Сражение при Неретве

продолжалось несколько часов, обе стороны понесли тяжелые потери, но немцам досталось больше, чем нам. В сражении погибло множество людей, трупы усеяли все пространство вниз от пещеры до расположенной в двух милях от нее деревни. Тогда мы одержали важнейшую победу над Михайловичем. Во время операции *Rösselsprung* перед нами стояла задача удерживать немцев до тех пор, пока Тито, Джилас и ряд других людей не окажутся в безопасности. Трупы падали на трупы, и только утром следующего дня немцы начали отходить. Это было самым жестоким боем против немцев. Было несколько сражений против четников. Как-то раз мы нас зажали в долине реки Дрина, и нам пришлось с боем вырваться из смертельного кольца. Это было в 1943-м, и вплоть до 1944 г. у нас почти не было тяжелого оружия. В том бою мы потеряли сотни бойцов, потери противника остались нам неизвестными. Я помню две части, сражавшиеся против нас: дивизии *SS Prinz Eugen* и *Handschar* (*Ханджар – дивизия SS, набранная нацистами из преимущественно боснийцев-мусульман (60% состава), хорватов и этнических немцев для борьбы с партизанами Тито*), - узнали мы об этом от взятых в плен солдат противника. Немецкие эсэсовцы были крепкими бойцами, а предатели, служившие в *SS*, были безжалостны и всегда убивали военнопленных.

А вы сами когда-либо убивали пленных?

Должен признать: да, в ряд случаев мы расстреливали пленных, тех, кто был тяжело ранен или тех, кого не могли транспортировать, поскольку это замедлило бы наше продвижение и снизило бы боеспособность наших отрядов. Но мы и своих тяжелораненных убивали. Все понимали, что, если ты получил серьезное ранение, шансов у тебя мало. У нас не было возможности оказывать полноценную медицинскую помощь, а нести с собой раненых было тяжело. Это было трагической реальностью и частью того, что называется войной. Я не пытаюсь это оправдать и сожалею об этом.

Партизаны Тито

Что, с вашей точки зрения, было положительным результатом войны в Югославии?

Мы вернули себе свою страну, свободной от западного или советского доминирования. Возглавил ее человек, который знал, как объединить нацию. Как только Тито умер, ситуация стала шаткой, и теперь у нас полно всевозможных проблем. Старые этнические противоречия снова разгораются,

и толку от этого не будет. Думаю, будущее будет очень трудным, но только время покажет, каким оно будет...

По сведениям автора оригинальной публикации Колина Д. Хитона (Colin D. Heaton, 2004), Мило Ставич умер в тюрьме в период правления Милошевича.

<http://www.historynet.com/civil-war-in-the-balkans-interview-with-two-former-yugoslav-nationals-who-recall-the-conflict-of-world-war-ii.htm>

Перевод и обработка – Владимир Крупник